

1998

Покровский Дмитрий Викторович

Меньше всего мне хотелось бы вступать в полемику с покойным Дмитрием Викторовичем Покровским. Все, что я хотела и могла бы сказать ему, должно было быть сказано до 29 июня 1996 года. Однако Теду Левину, цитирующему Покровского, нельзя не ответить.

Читая статью Левина, я чувствовала себя Золушкой, которой приходится выбирать горох среди чечевицы, — так затейливо переплетена в ней правда с вымыслом. Изю всех сил стараясь быть терпимой к автору-иностранцу, оставляю на его совести такие "мелочи", как "Фольклорная комиссия СССР" (а не РСФСР, при которой Ансамбль Покровского возник и существовал несколько лет), "разыскания" о соотношении напева и текста в русских народных песнях, рентгеновские исследования голосового аппарата, в действительности осуществленные другими людьми и в другие годы. Согласна считать художественным преувеличением произнесенные со сцены Новосибирского оперного театра призывы свергнуть советскую власть (в действительности была фраза о мешающих ансамблю "чиновниках с партбилетами") и душераздирающую, но — увя! — не существовавшую в действительности сцену в покинутой северной деревне (на самом деле Д. В. был тогда в Кевроле, одной из самых населенных пинежских деревень). Все равно "чечевицы" не становится меньше!

Возникает чувство некоторого неудобства от настойчивого подчеркивания диссидентства Д. В., многочисленных фраз о том, что Ансамбль был "запрещен". Насколько я помню, в конце 70-х его концерты проходили постоянно в Знаменском соборе, в Доме композиторов, других творческих клубах. Конечно, пока Ансамбль не имел статуса профессионального коллектива, ему, как и всякой любительской группе, было сложно получить, к примеру, Большой зал консерватории или Зал Чайковского. Однако в статье Левина вы не найдете слова "любительский", и это, конечно же, не случайно. Для русского читателя в нем нет ничего позорного, даже наоборот — любитель из любви к искусству делает порой гораздо качественнее то же самое, что профессионал — за деньги; на Западе же различие между "любителем" и "профессионалом" — в первую очередь, качественное. Сказать о коллективе, что он "любительский" — значит, обвинить его в непрофессионализме, невладении мастерством, низким художественном уровне. Поэтому Т. Левин вместо "любительский" пишет "неофициальный", а это в советское время имело явную политическую окраску.

Недоумение вызывает полное отсутствие каких-либо имен вокруг Д. В. (за исключением мелькнувшего "фольклориста Гиппиуса"). Да, Покровский был талантливым и неординарной

личностью, человеком не месяца или года — эпохи! Шутка ли — за каких-нибудь десять лет всколыхнуть гигантскую страну, притом такую инертную, как Россия, заставить молодежь услышать старинные народные песни, полюбить их подлинность, почувствовать их своими, запеть их. Но смог бы даже самый гениальный и энергичный человек сделать это в одиночку? Немыслимо писать о Покровском, не упомянув Тамары Смысловой и Александра Данилова, участников ансамбля с самого его рождения, неотделимых от него; Андрея Кабанова и Евгения Кустовского — песни, записанные ими, стали основой репертуара ансамбля на многие годы; Родиона Щедрина, в те годы председателя Союза композиторов России, которому ансамбль обязан своей быстрой "раскруткой", а лично Д. В. — Госпремией...

Рос. муз. газета, — 1998. — № 2. — с. 6 Множить истину, а не ложь

Неужели упоминание этих людей или еще кого-нибудь из множества преданных друзей и помощников Д. В. умалило бы его славу? А эти нагромождения труднообъяснимого вымысла — ведь живы еще десятки, если не сотни людей, знающих и помнящих, как все происходило на самом деле.

И вдруг меня осенило — и все сразу встало на свои места. Перед нами — классический пример сотворения мифа. Дмитрий Викторович Покровский — игрок и мистификатор высшей марки — создавал этот миф специально для американской публики, а Тед Левин вдохновенно поддбывал ему, уж не знаю, с какой целью, — ведь в тексте статьи явно проскальзывают нотки если не недоверия, то сомнения в некоторых фактах.

Герой созданного ими мифа одинок и отважен, как все мифологические герои. Он — непризнанный гений, все силы отдавший борьбе с гидрой тоталитаризма, безжалостно погравшей народную культуру. Чудесным образом лишь он один сумел постичь тайны этой культуры и несет ее свет сквозь океан тьмы и невежества... В свете этой версии безвременная кончина Героя для автора статьи — прямо-таки подарок судьбы!

Но сей сюжет, возможно, пригодный для Голливуда, вряд ли устроит нашего искусственного читателя, знающего Д. В. и чтящего его память совсем по иным причинам.

А что же с фольклорным движением? По боль-

шому счету оно стало таковым в начале 80-х, когда "посев" Покровского дал мощные всходы в Новосибирске и Красноярске, Екатеринбурге, Иркутске и Ростове-на-Дону... Тогда же создали свои ансамбли участники бывшей студии Покровского. Многие из них распались, образовывались новые группы. Так возникли "Русичи", "Круг", калужские "Беседы", "Край", "Маланка", "Казачий круг", "Народная опера" Бориса Базурова "Народный праздник", "Сириш"...

Однако очень скоро между Покровским и фольклорным движением легла глубокая трещина. Мэтр с легким презрением поглядывал на "любителей" с высоты своего профессионализма (в это время ансамбль уже состоял в штате Московской филармонии), а они, со своей стороны, не прощали ему "актерства", отхода от этнографической подлинности. Сейчас уже не так просто

объяснить, почему в те годы любая сценическая выдумка, — вроде шутильной драки во время исполнения "Зеленой сосенушки" или соединения терской былины о Соколе-корабле с лезгинкой, — воспринималась "любителями" в штыки. Наверное, потому, что все они хотели правды и подлинности, и никого не волновало, что эти качества иногда не слишком сочетаются с законами сцены.

Думаю, что Покровскому было нелегко ответить на вопрос, что же стало с рожденным им фольклорным движением и почему прервалась его связь с "любителями"? И вот тогда-то было брошено обвинение в шовинизме. Само по себе оно не ново: им "припечатывали" всех, занимающихся народной культурой, еще в эпоху пролетарского интернационализма. А сейчас, кажется, слова "национальный" и "националистический" воспринимаются как синонимы, особенно если перед ними еще стоит слово "русский"... Я не собираюсь вступать на эту скользкую почву, замечу только, что за годы существования фольклорного движения было множество попыток "пристегнуть" его то к "Памяти", то еще к какой-нибудь группировке подобного типа, но из этого ничего не вышло. Фольклорное движение, возникшее как реакция на политическую фальсификацию традиционной культуры, по самой своей природе находится вне политических игр (и это положение нисколько не меняет лич-

ные политические пристрастия отдельных его участников). Кроме того, полное отсутствие какой-либо поддержки со стороны государства сделало это движение абсолютно свободным и неуправляемым. Даже создание официальной структуры — Союза любительских фольклорных ансамблей — мало что изменило. Появились лишь некоторые возможности для организации встреч, фестивалей, семинаров.

Жизнь продолжается. По-прежнему собирается молодежь в сотнях студий, клубов, просто квартир, чтобы пообщаться, поплясать кадрили, спеть любимые песни. На смену повальной моде на все казачье пришло увлечение кулачными боями с их непременно припеваками "под драку". Тут уж никак не обойдется без клейма "штурмовых отрядов"! В фольклорном движении есть свои "бытовая" и "элитарная" сферы, свои "эстеты" и убежденные седины "корифеи" (годы идут!). Но появилось в нем и нечто новое: волна интереса к народной музыке, отхлынув от городов, возвращается в деревню. Сейчас "любители" реально поддерживают престиж фольклорной традиции в селах; есть даже курьезные примеры разучивания сельскими певцами своих песен с записей городских ансамблей. По-прежнему обо всем этом никто не знает, кроме горстки фольклористов.

Д. В. был прав: у нас сейчас эпоха свободного культурного рынка. Пожалуй, столь ненавистным ему народным хорам сейчас приходится ничуть не легче, чем участникам фольклорного движения — за Надеждой Бабкиной и "Золотым кольцом" им не угнаться. Пока лавина дурного вкуса, хамства и пошлости не начнет вызывать у публики аллергию — "фэйклор" жив и будет жить! Даже Российский фонд культуры, чуть ли не единственная организация, поддерживающая статус фольклора как высокого искусства, допускающая "любителей" даже до концертов в Патриарших палатах Кремля, отдает явное предпочтение клоуновому "Карагоду" с его гигантскими балалайками и "костюмами XV века" из корейской парчи.

Возможно, когда-нибудь будет написана подлинная история "русского движения возрождения фольклорной музыки". Для того чтобы очередной заокеанский коллега не пытался создавать новые мифы, чтобы множить истину, а не ложь, хорошо бы всем, кто участвовал в этом движении, взять за перо, вспомнить о том, чему они были свидетелями. С этой целью и я пишу эти строки.

Екатерина ДОРОХОВА,
руководитель ансамбля
"Народный праздник",
председатель правления
Российского Союза
любительских фольклорных
ансамблей.